

12.11.97
Ульянов Михаил

КРУПНАЯ ДАТА

Михаил УЛЬЯНОВ: НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

Сегодня друзья и коллеги едва ли не самого известного артиста России Михаила Ульянова отмечают его 70-летие в Театре имени Евгения Вахтангова

Даже мальчишки, когда народный артист СССР Михаил Ульянов идет по Арбату в свой театр, кричат ему вслед: «Эй, Жуков!» Такой артист мог родиться только в России, потому что и по характеру («широкая душа»), и по стати, и по манере поведения он — воплощение национального характера. И не только потому, что широкая ульяновская популярность началась со знаменитого фильма «Председатель», а потом продолжилась в других киноисториях — просто он не изменяет своей природе и остается верен зрителю, чутко улавливая «глас народа», хорошо зная и чувствуя его «изнутри». Накануне 70-летия Михаила Александровича мы думали, кто бы мог с ним поговорить по душам, и решили, что это может хорошо получиться у профессора Литературного института, известного критика Инны Вишневской.

(Окончание на 5-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Мы с тобой старые друзья и давай не будем друг другу говорить «вы». Я всегда помню те розы, которые ты первым принес на защиту моей докторской диссертации, и те розы, которые я подарила тебе, когда ты замечательно сыграл Ричарда. Хотя не только розы были в нашей жизни, но и шипы... Мы так давно знаем друг друга, что ты знаешь, что я спрошу, а я знаю, что ты ответишь. Давай попробуем хоть немного удивить друг друга. Ну что бы я хотела от тебя узнать: во-первых, что ты думаешь о жизни и правильно ли ты ее прожил? Вот нам сегодня говорят: главные ценности — это семья, дом, а ты всю свою жизнь отдал общественной работе, так сказать, артельному делу. Жалеешь ли об этом? И если бы можно было начать жизнь сначала — что бы ты вы-

шу одно и то же: «Дайте помещение!» Не идеи, не мысли, не репертуар, а —помещение... В конце концов, я хочу знать, что же происходит в этих помещениях?

— В искусстве надо брать за те темы, которые волнуют, а не за те, которые модны. Сейчас боль и мода переплелись, и не поймешь, где хвост, а где нос. А вообще-то мода — это мода, а боль — это боль. К сожалению, у нас так много стало рекламы, зудежа, почесухи, что если человек во всем этом не участвует, то уже думают — его и нет на свете. Меня спрашивают, почему я не выступаю по телевидению. Я отвечаю, что мне нечего сказать. К тому же я не хочу участвовать в этой бесстыдной вакханалии рекламы. Я честно тащу свой театр, пытаюсь сохранить в нем вахтанговский дух и как могу защищаю своих артистов.

Мне кажется, театр стал терять свое достоинство, профессионализм, потому что «понтами» можно забить любые мозги, в том числе критические. В критическом цехе тоже есть ребята, которые верой и правдой служат одним, надувают других или создают вокруг них зону молчания. Все то, чем больно наше общество, тем и театр болен, — как отражающее зеркало. К примеру, я не понимаю, почему на телевидении идет такая широкая реклама гигиенических пакетов, прокладок... Только злой враг может так осквернять женщину. И это бесстыдство стало нормой жизни. Как-то тут недавно по телику увидел я эротический театр. Бедные, жалкие, синеногие девчонки пытались

— Нынче в искусство приходят очень мощные ребята — по энергетике, по «органике», но не очень переживающие за то, что происходит вокруг. Профессионально они доставляют себе удовольствие тем, что все «суперменствуют». Им все кажется, что они не оценены до конца, так как известны только узкому кругу театралов. Ведь мы-то к 40 годам благодаря кино были известны всей стране, а они нет. Видимо, поэтому у них нет иммунитета к медным трубам.

— Для русского артиста никогда не существовало понятия «чистого искусства», ему было небезразлично, что происходит с его народом, страной. И вот теперь все это уходит. Когда ты был председателем Союза театральных деятелей России, то именно благодаря твоему общественному авторитету работники театра получали какие-то льготы. Но как тебя ни просили остаться на третий срок, как ни стонала по поводу твоего ухода периферия, ты наотрез отказался. Почему?

— Десять лет я бегал по коридорам власти и просил за бедных артистов. На это у меня уходили все силы, я не мог полноценно работать как артист. Теперь же снимаюсь в трех фильмах, хочу сыграть Фамусова у Петра Фоменко в «Горе от ума», но время-то, время ушло. Я говорю не о благодарности. Многие люди помнят то добро, которое я им сделал. Я не мог согласиться на третий срок правления и потому, что в нашем уставе СТД черным по белому написано о двух сроках, и если бы я под давлением моих коллег нарушил этот закон, то какая бы это была демократия?.. Хватит, мы и так пострадали от вождизма. Надо и честь знать.

— Значит, теперь ты работаешь только художественным руководителем Вахтанговского театра и просто артистом. Неужели хватает тех денег, которые получаешь?

● Виктор («Варшавская мелодия») 1967 год.

Михаил УЛЬЯНОВ:

Труж. — 1997 — 20 ноябр. — с. 1, 5.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

брал: частную жизнь (был у тебя фильм с таким названием) или все же те общественные?

Михаил Ульянов: Когда я снимался в «Братьях Карамазовых» и жил далеко от семьи, то время от времени посылал домой письма. В одном из них написал: «А я объявляю забастовку — работаю». Это и стало негромким девизом всей моей жизни.

Наверное, я бы не смог, как многие мои товарищи, жить замкнутой актерской жизнью и с окружающей действительностью общаться только через роли. Например, моего коллегу Юрия Васильевича Яковлева политика не волнует совсем. Не могу сказать, что не сумел бы прожить без общественной деятельности, но свое актерское дело воспринимаю только «в стыке» с тем, что защищаю в жизни, с чем спорю, кого поддерживаю, против кого выступаю. В каждой роли я стараюсь выразить не что-то такое, что беспокоит меня. Это и есть та «глина», из которой я всегда леплю роли: в кино ли, в театре.

Сейчас снимаюсь в картине «Сочинение о празднике Победы». Это такое странное произведение, в котором есть и конкретные жизненные реалии, и какой-то стилистический, временной «сдвиг». Я играю в прошлом боевого летчика, сбившего во время войны 20 немецких самолетов. Нам хочется рассказать о тех пожилых людях, которые сегодня ходят с красными знаменами, поднимают портреты Сталина, бьются с ОМОНОм... А за что и почему? И тут выясняется, что они настолько унижены в нашей стране, до такой степени им обидно жить и настолько они никому не нужны, что это лишает их жизнь смысла. В фильме есть эпизод, когда трое боевых друзей, встретившихся в День Победы, сидят в кафе, и один из них говорит: «Левка, а может быть, лучше бы сбили нас тогда, чем мы сейчас хлебем все это дерьмо ложками?». В этой фразе вся бездна их отчаяния. Они прожили великую жизнь, все приняли и все претерпели, и вот теперь оказались у разбитого корыта. Как можно играть такое с холодным сердцем?..

Что же касается того, сколько я потратил времени на съездах партии, в президиумах, то в этом смысле я ни о чем не жалею, потому что вынес из многочисленных заседаний массу наблюдений, необходимых в моей профессии. Я видел растерянность этих высоких мужей. Они указывали дорогу, по которой надо идти народу, но руки у них дрожали. Они знали и умели только одно: не пускать, держать, заставлять, грозить. Страх и повиновение — вот было их главное оружие. Потому что хитрая система подачек, в которой мы жили, очень коварна по своей сути: ты служишь — мы даем. Она оглупляла многие умы, только избранные могли сопротивляться.

— К радости моей, ты меня несколько не удивил: все та же боль за человека, за его непростую жизнь. Но перейдем к профессии. Как ты думаешь, куда сегодня катится театральное искусство? С телевидением мне все понятно, оно каждую ночь терзает меня в передаче «Про это». С кино тоже кое-что проясняется... А в театре я слы-

изобразить что-то сексуальное. Никаких эротических чувств они во мне не вызвали, а вот согреть их, пожалуй — хотелось...
— Все этот бео-предел происходит от того, что мы боимся сказать, что хорошо, а что ужасно, что на пользу человеку, а что ему во вред. Слава Богу, пока в Вахтанговском театре и культуре сохраняется, и свое лицо не теряем.

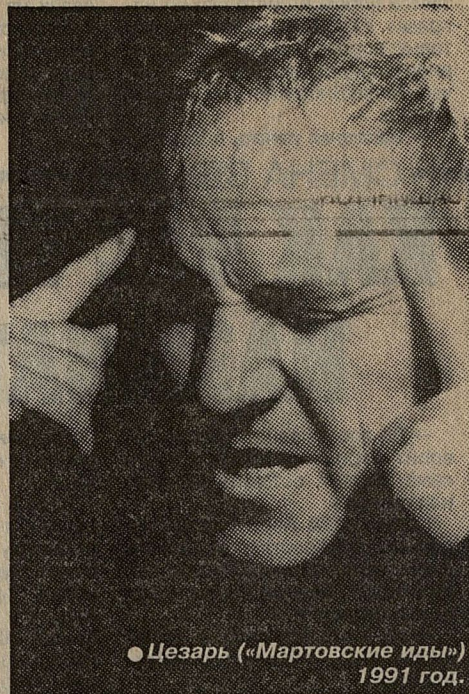
— А как складываются у тебя отношения с молодежью?

— В нашем театре существует три поколения: старшее, среднее и совсем юное. «Старики» работают в полную силу, они сохраняют вахтанговские традиции. Молодежь молится на «стариков», старается подражать им, а вот среднее поколение ведет себя несколько странно для репертуарного театра. Всем им под сорок, они уже сложившиеся художники: С.Маковецкий, М.Суханов, В.Симонов, Ю.Рутберг. Эти ребята — вахтанговцы, но они не считают постыдным для себя участвовать в антрепризах, собираться в артели и выступать в спектаклях Виктюка, Мирзоева. Все это мило, но как же быть с родным домом? Я говорю им: «Уходите совсем. Как-нибудь переживем без вас, ведь нельзя же числиться в театре, а работать на стороне...»

Это поколение составляет и нашу радость, и нашу боль, и общую нерешенность театрального дела. Ведь уже всем понятно, что в театре пора переходить на контрактную систему, а в законодательстве такого пункта нет.

Конечно, я понимаю, что в чем-то мысля по-другому, чем они, — в силу возраста, воспитания... Некоторые вещи так и остаются для меня непонятными. Помню, на гастролях в Америке иду я по улице Чикаго, а навстречу мне наш молодой артист с огромной гитарой. Спрашиваю его: «Зачем она тебе, ведь ты не играешь?» А он так снисходительно посмотрел на меня и говорит: «Михаил Александрович, продав эту гитару, я подарю себе постройку». Во-первых, для нас в его возрасте строить себе дачу было чем-то немислимым, во-вторых, я бы никогда не додумался до такой экономической аферы. А для них это норма! В молодости мы играли в карты, веселились, гуляли, но не копили на машину и не строили дачи... Я не говорю, что это плохо, но для артиста как-то дико... Многие из них уже имеют свое дело, какие-то ресторанички, а профессия артиста остается как-бы сбоку припека, для престижа.

Однажды, когда ты был во власти, я спросила тебя: «Миша, что ты можешь сделать для меня?» Ты немного подумал, а потом серьезно ответил: «Похоронить на Новодевичьем кладбище». А если серьезно, то скажи: какой тип актера сегодня отвечает нынешнему времени?

● Цезарь («Мартовские иды») 1991 год.

— Денег хватает для поддержания жизни семейства. Мы не голодаем, но откладывать в швейцарский банк не получается. Когда я узнаю из прессы, что Ален Делон не знает, какой очередной дворец ему присмотреть для полноценной жизни, то я лишь улыбаюсь. Мне и своей квартиры хватает.

— А как дома? Что поделяет твоя красавица-жена Алла, которую зритель знает по фамилии Парфаньяк? Как поживает дочь и внучка Лизочка?

— Алла больше не работает в Вахтанговском, занимается домом. Дочь стала главным художником журнала «Наш собеседник», а Лизочка ходит в школу и учится весьма посредственно. Я очень сожалею, что мало уделяю ей времени.

— А с кем ты дружишь теперь?

— Я расскажу историю, которую мне поведал Марк Прудкин. В последние годы его жизни мы очень подружились. Однажды, когда я был у него на дне рождения (а в этот день к нему приходили все без приглашения, двери были открыты настежь), он мне сказал: «Ты знаешь, Миша, я очень одинок!» «Как одинок? — воскликнул я. — Посмотрите, сколько вокруг друзей, как вас все любят». «Нет, это не то, — ответил 90-летний Марк Исаакович, — нет моего поколения. Эти ребята хорошие, но они не мои».

Вот и я тоже начинаю ощущать холодок одиночества. Поэтому единственным наркотиком от грустных мыслей является работа. Самое страшное, когда ты никому не нужен и «телефон умер». Потому я говорю своим в театре: «Берегите этот Дом. Только он может спасти от одиночества и защитить вас!»

— Как Москву невозможно представить без Арбата, так Арбат невозможно представить без Вахтанговского театра, а Вахтанговский — без тебя. Поэтому, пожалуйста, никогда не вздумай отвечать на вопрос: «На кого ты собираешься оставлять свой театр?»

— И все-таки я отвечаю: если найдется человек, который принесет свою программу и поведет театр по новому пути, то почему бы и не отдать театр в его руки...